

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ПЯТИКНИЖИЯ: К ВОПРОСУ О ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКЕ СВЯЩЕННИЧЕСКОГО КОДЕКСА¹

Диакон Николай Шаблевский

кандидат богословия
преподаватель кафедры библеистики
Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Академия
nikolay.mda@yandex.ru

Для цитирования: Шаблевский Н. Н., диак. Лингвистический профиль Пятикнижия: к вопросу о филологической специфике Священнического кодекса // Библия и христианская древность. 2019. № 3 (3). С. 226–248. doi: 10.31802/2658-4476-2019-3-3-226-248

Аннотация

УДК 22.014

В статье основное внимание уделяется работе Л. Петерссон о лингвистическом профиле нарратива Священнического кодекса. При критическом анализе выделяются как сильные, так и слабые стороны её исследования. Во втором параграфе подчёркивается, что Священнический кодекс не имеет в Пятикнижии специфического жанра или особенностей синтаксиса, что с позиции языка лишает оснований исследовать его отдельно от других текстов Торы. Третий параграф представляет собой определение перспектив, то есть рассмотрение возможности и целесообразности изучения лингвистического профиля как Пятикнижия в частности, так и ветхозаветных книг (Танаха) в целом.

Ключевые слова: Священнический кодекс, лингвистический профиль, Стандартный библейский еврейский, Поздний библейский еврейский, синтаксис, текст-лингвистический анализ, формы предикации, Пятикнижие.

1 Данная статья является существенно переработанной, в большинстве аспектов принципиально новой, версией нашего доклада, произнесённого на ежегодной научно-богословской конференции МДА «Экзегетика и герменевтика Священного Писания» (16–17 мая 2019 г.).

Введение

Название статьи формирует необходимость определить понятие «Священнический кодекс» Пятикнижия. Гипотеза о существовании подобного источника, на основании которого (как и ряда других) было составлено Моисеево Писание, восходит к Документальной гипотезе, согласно которой текст Торы² Моисея образовался из нескольких литературных источников. Исходя из цели данной статьи (об этом см. ниже) мы не будем подробно вдаваться в описание или анализ Документальной гипотезы. Отметим лишь, что в XIX в. немецкий библиист Юлий Велльхаузен предложил популярное деление Пятикнижия на четыре части, в основе которых лежат следующие источники: Ягвист, Элохист, Девтерономист и Священнический/Жреческий кодекс³. При этом он считал, что Священнический кодекс (по-немецки *Priesterkodex*) был составлен позднее трёх других источников. Рассмотрим его суждения: «Тяжело имитировать одяжание (*costume*) Моисеевого периода и хоть с каким-либо значимым успехом переодеться самому... Священнический кодекс... сохраняет себя от всех референций к более поздним временам и к размеренной жизни в Ханаане... Он тщательно и внимательно соблюдается в пределах пустынной обстановки, для которой во всех значимых ситуациях он стремится дать закон. Это на самом деле успешно, с его передвижной палаткой, его путешествующим лагерем и другими архаичными деталями; он таким образом скрывает истинную дату своего составления, хотя есть много серьёзных несоответствий с тем, что мы знаем из других источников... Однако доказано, что кодекс лжёт относительно всей известной истории, и в соответствии с этой монументальной древностью едва ли может быть приведён в какую-либо связь с общей историей»⁴.

Из этого рассуждения следует лишь то, что у немецкого библииста не было серьёзных оснований считать, что Священнический кодекс был написан после всех других источников Пятикнижия. Просто его концепция не укладывалась в «прокрустово ложе» его же собственных представлений об истории создания ветхозаветных книг, поэтому вполне закономерно, что с Ю. Велльхаузеном не были согласны относительно поздней датировки Жреческого кодекса такие серьёзные

2 В настоящей статье понятия «Пятикнижие» и «Тора» являются синонимичными.

3 *Wellhausen J.* Die Composition des Hexateuchs und der historischen Bücher des Alten Testaments. Berlin, 1963.

4 *Idem.* Prolegomena to the History of Ancient Israel / transl. by J. S. Black and A. Enzies. New York, 1957. P. 9–10.

учёные, как Ави Гурвиц и Ричард Фридман. Для нас особый интерес представляют работы первого из упомянутых библеистов, поскольку израильский исследователь доказывает, что именно язык этого кодекса свидетельствует о его более древнем составлении. Так, согласно ему, кодекс был написан, во всяком случае, до книги пророка Иезекииля⁵.

В настоящее время нам встретилась важная работа для исследования, поскольку цель нашей статьи — рассмотреть перспективы изучения лингвистического профиля Пятикнижия, а потому труд по филологической специфике нарратива Священнического кодекса вносит важный вклад в выполнение поставленной цели. Сама статья аспирантки университета Упсалы Лины Петерссон⁶ представляет собой тезисы для её будущей диссертации на соискание высшей учёной степени (PhD)⁷. Учитывая то, что в ней детально проанализированы все лингвистические исследования Священнического кодекса, в первой главе данной статьи будет уделено внимание изучению лингвистического профиля Жреческого кодекса. Затем будет сделана попытка наметить пути к дефиниции лингвистического профиля Пятикнижия. Под самим понятием «лингвистического профиля» мною и, очевидно, Л. Петерссон подразумевается определение характерной морфологии, лексики, грамматики и синтаксиса оригинального языка исследуемой книги Священного Писания. При этом ключевым (профильным) для характеристики филологической специфики Торы, как и любой другой книги **Танаха**, согласно указанному учёному, является синтаксис глагола. Относительно этого, забегаая несколько вперёд, отметим, что главным всё же представляется синтаксис не глагола, а текст-лингвистический анализ в целом, основанный на анализе форм предикации.

5 См., например: *Hurvitz A. The Usage of $\psi\psi$ and בִּרְךְ in the Bible and Its Implications for the Date of P // Harvard Theological Review. 1967. Vol. 60. P. 117–121.* Другие работы А. Гурвица относительно Священнического кодекса исследованы и упомянуты в библиографии следующей статьи: *Petersson L. The Linguistic Profile of the Priestly Narrative of the Pentateuch // Paradigm Change in Pentateuchal Research / hsgb. M. Armgardt, B. Kilchör, M. Zehnder. Wiesbaden, 2019. (Beihefte zur Zeitschrift für altorientalische und biblische Rechtsgeschichte; Bd. 22). S. 262–263.*

6 *Petersson L. The Linguistic Profile of the Priestly Narrative of the Pentateuch. S. 243–264.*

7 Тема работы: *Syntax of the Verb in the Priestly Narrative of the Pentateuch — A Diachronic Study.*

1. Лингвистический профиль Священнического кодекса

Сама работа начинается с историографического обзора исследований так называемого Стандартного библейского еврейского (далее — СБЕ) и Позднего библейского еврейского (далее — ПБЕ) языков. К общепризнанным книгам последнего относятся Паралипоменон, Ездры, Неемии, Есфирь и Даниила⁸. В чётком разграничении этих пластов библейского еврейского языка и определении следов ПБЕ в СБЕ заключается возможность лингвистических оснований для датировки конкретных библейских книг и/или их фрагментов. По крайней мере, можно однозначно сказать, написана ли была книга до Вавилонского плена (586–539 гг.), СБЕ, или во время/после него (ПБЕ). Также Л. Петерссон отмечает, что Эдуард Кучер, например, находит следы «базового» библейского еврейского, ПБЕ и Мишнаитского еврейского языков в рукописях Мёртвого моря (= Кумранские рукописи). Для подобного анализа им была избрана рукопись Большого свитка Исаяи⁹. Более того, этот учёный отмечает диахронические отличия Архаичного библейского еврейского, СБЕ и ПБЕ¹⁰. Отсылки к некоему Архаичному языку в Торе заслуживают особого внимания, что мы и попытаемся реализовать несколько позже. Итак, рассмотрев достижения своих предшественников, автор статьи решила, что её изучение глагольного синтаксиса Священнического кодекса будет основано на работах А. Гурвица и Роберта Ползина. При этом методологию изучения

8 *Petersson L.* The Linguistic Profile of the Priestly Narrative of the Pentateuch. S. 251. Между тем Я. Йостен отмечает, что к ПБЕ относится и книга Екклесиаст, в то время как на СБЕ (допленном) написаны книги от Бытия до 4 Царств. При этом книги Иеремии, Иезекииля, Иова и некоторые фрагменты 3–4 Царств невозможно однозначно отнести ни к СБЕ, ни к ПБЕ. Вполне возможно, что они представляют собой удачную попытку поздних авторов имитировать СБЕ (*Joosten J.* The Verbal System of Biblical Hebrew: A New Synthesis Elaborated on the Basis of Classical Prose. Jerusalem, 2012. P. 8). В более ранней работе упомянутый исследователь пишет, что лингвистический статус Книги Руфь также представляет собой предмет для дискуссии. При этом Руфь 4, 7 в плане этимологии явно относится к ПБЕ, согласно статье А. Гурвица «On the Term נעלל...שלה — Ruth 4:7» (*Idem.* The Disappearance of Iterative WEQATAL in the Biblical Hebrew Verbal System // Biblical Hebrew in Its Northwest Semitic Setting. Typological and Historical Perspectives / ed. by S. E. Fassberg and A. Hurvitz. Jerusalem, 2006. P. 140, footnote 11).

9 *Kutscher E. Y.* The Language and Linguistic Background of the Isaiah Scroll (1QIsa^a). Leiden, 1974.

10 *Idem.* A History of the Hebrew Language. Jerusalem, 1982.

нарратива Жреческого кодекса она заимствует у Гурвица, в то время как фокусирование на синтаксисе, а не на лексикографии более характерно для Ползина¹¹.

В следующей главе («Теоретическая основа») Л. Петерссон отмечает, что основное внимание она обратила на анализ глагольной системы древнееврейского языка, причём с позиции диахронической грамматикализации, включающей изучение *времени – вида – наклонения* глагольной системы. При этом она пишет, что в использовании глагольных форм наблюдаются следующие перемены, повлекшие определённые модификации: периферия (увеличение) > основа (увеличение — убывание) > периферия (убывание). Относительно своей работы Петерссон сообщает, что изучение синхронии (конкретных фрагментов) и диахронии библейского языка предполагает анализ нарратива Священнического кодекса, СБЕ и ПБЕ прозы. При этом ключевым является исследование глагольных форм, который она почему-то именуется синтаксическим анализом¹². В этой связи стоит вспомнить, что ещё Альвиеро Никаччи отмечал главенство изучения синтаксиса и лингвистики текста над анализом отдельно взятых форм: «Не представляется возможным понять разницу между, например, יהוה אמר / wa-yu^omer yhw^h, “и сказал Господь”, и יהוה אמר / yhw^h dāmar, “Господь сказал”, если рассматривать эти предложения сами по себе, в изоляции от их контекстов; только их употребление и функционирование в тексте может показать разницу. Мой текст-лингвистический анализ направлен на рассмотрение трёх уровней с восходящей методологией, то есть *морфологии*, затем *синтаксиса*, а после — *семантики*»¹³. Такой подход представляется более верным хотя бы в силу того, что, помимо глагольных, в библейских текстах полно не глагольных (именных) предложений. Также важно обращать внимание и на жанр, но об этом несколько ниже.

11 *Petersson L.* The Linguistic Profile of the Priestly Narrative of the Pentateuch. S. 246.

12 *Ibid.* S. 247–250.

13 *Nicacci A.* An Integrated Verb System for Biblical Hebrew Prose and Poetry // Congress Volume: Ljubljana 2007 / ed. by A. Lemaire. Leiden; Boston, 2010. P. 99. Ср. высказывание отечественных библейских филологов, опубликованное значительно раньше: «Когда пытаются дать перечень значений личной формы, отвлекаясь от её места в тексте, тогда получают абсурдный результат: выходит, что, какую форму ни возьми, она может означать всё что угодно!» (*Лёзов С. В., Эйделькинд Я. Д.* Si vera lectio. Синтаксис речи рассказчика в древнееврейской повествовательной прозе // Библия: литературоведческие и лингвистические исследования. 1999. Вып. 2. С. 122–123).

Наконец, в последней главе, посвящённой методологии, Л. Петерссон пишет, что её исследования основываются на методе А. Гурвица, который предложил искать ПБЕ в СБЕ посредством четырёх критериев:

1. библейская дистрибуция;
2. внебиблейская дистрибуция;
3. лингвистическая оппозиция;
4. аккумуляция, то есть определение лингвистического профиля конкретного текста относительно времени создания; поиск ПБЕ в нём.

Первые три критерия в диахроническом анализе Л. Петерссон применяет в основной части работы, в то время как четвёртый — в заключении. Ещё она отмечает, что А. Гурвиц, как и множество учёных, включая Р. Ползина, при использовании данного метода изучали, в основном, лексикографию и изолированные грамматические особенности в отдельных текстах, в то время как она сосредотачивается именно на анализе синтаксиса глаголов¹⁴. В качестве иллюстрации к методу А. Гурвица, приложенному к первым трём критериям, она приводит выдержку из его же работы «Biblical Texts» (p. 150–151):

«*Библейская дистрибуция*. Внутри еврейской Библии лексема לְיָגְרֵת / *ḵiggeret*, “письмо”, засвидетельствована 10 раз. Все они найдены в характерном корпусе ПБЕ: Есфирь (дважды), Неемия (6 раз), Паралипоменон (дважды).

Внебиблейская дистрибуция. Вне еврейской Библии לְיָגְרֵת / *ḵiggeret* часто употребляется в арамейской переписке Персидского периода (Библейский арамейский и Египетский арамейский — לְיָגְרָא / *ḵiggrā'*); то есть в источниках, современных ПБЕ. Термин также широко задокументирован в послебиблейский период: в арамейских источниках (например, письма Бар-Кохбы, Палестинском арамейском, сирийском) и в Мишнаитском еврейском.

Лингвистическая оппозиция. В СБЕ лексема לְיָגְרֵת / *ḵiggeret* не засвидетельствована, вместо неё используется термин סֵפֶר / *sēper*, чтобы обозначить “письмо”. Более того, סֵפֶר / *sēper* засвидетельствовано в предпленном эпиграфическом еврейском (в Лахишских письмах), где нет לְיָגְרֵת / *ḵiggeret*. Таким образом, диахроническое развитие подтверждается тем фактом, что более ранний СБЕ термин סֵפֶר / *sēper* был заменён в ПБЕ аналогом — לְיָגְרֵת / *ḵiggeret*¹⁵.

14 Petersson L. The Linguistic Profile of the Priestly Narrative of the Pentateuch. S. 250–251.

15 Ibid. S. 251, footnote 36.

Три критерия, которые мы только что рассмотрели, образуют следующие параграфы третьей главы анализируемой статьи. Итак, в первом из них («библейская дистрибуция») Л. Петерссон отмечает, что, согласно А. Гурвицу, существует целый комплекс СБЕ, включающий в себя прозу, поэзию и Пророки; вне его находится только архаичная поэзия библейского еврейского. Здесь сразу стоит отметить, что тексты, сохранившиеся на архаичном еврейском, представляются значимыми для понимания лингвистики библейских текстов в целом, особенно Пятикнижия, поэтому подобное опущение лишает возможности делать серьёзные выводы. Существенный недостаток исследований Л. Петерссон образовался из-за того, что она ограничилась нарративом Священнического кодекса. Насколько это оправданно, посмотрим во втором параграфе данной статьи.

Итак, изучая нарратив Священнического кодекса, автор решила сосредоточиться лишь на прозе и сравнивать прозаические тексты СБЕ с такими же текстами ПБЕ¹⁶. Вместе с тем, обращая внимание на то, что изменение глагольной системы более логично и заметнее, чем этимологическое развитие слов, и замена одних лексем другими, она считает, что наиболее характерным для ПБЕ является то, что в нём прекращают использоваться синтагмы «последовательности» — *wa-yūiqōl* и *w-qāṭal*, непрошедшего *qāṭal* и абсолютного инфинитива *qāṭōl*¹⁷. Данную тему она иллюстрирует в сводной таблице, которую мы рассмотрим в конце настоящего параграфа.

Говоря о внебиблейской дистрибуции, Л. Петерссон приводит таблицу, призванную продемонстрировать тексты, которые могли оказать влияние на формирование СБЕ и ПБЕ. Рассмотрим её подробнее¹⁸.

16 Ibid. S. 251–252.

17 Ibid. S. 252.

18 Ср. с англоязычным оригиналом: Ibid. S. 254.

Исторический период	Корпус текстов	Количество слов
1. Добиблейский период	Амарна, Ханаанский, Угаритский	— ок. 40.000
2. Дополненный период (Ранний библейский еврейский)	Финикийский Староарамейский и Ранний официальный арамейский Моавитский (стела Мешы) Аммонитский (Цитадель Амман, Тель Сиран) Деир 'Алла Эпиграфический еврейский (исключая печати) Архаический библейский еврейский (= АБЕ) поэзии	ок. 10.000 ок. 30.000 512 60 180 ок. 4.000 ок. 2.900
СБЕ	Бытие — 4 Царств (исключая Священнический кодекс и АБЕ)	ок. 158.000
ПБЕ	Паралипоменон, Ездра, Неемия, Есфирь, Даниил	ок. 55.000
3. Пленный и после-пленный (ПБЕ) период	Египетский арамейский Библейский арамейский	ок. 43.000 ок. 7.200
4. Послебиблейский период	Книга Иисуса Навина Кумранский еврейский и арамейский языки Еврейский и арамейский Бар-Кохбы Мишнаитский еврейский	ок. 16.500 ок. 265.000 — ок. 265.000

Итак, не будучи согласными с Л. Петерссон относительно датировки СБЕ, но не имея возможности в рамках настоящей статьи полемизировать с концепциями о времени написания Пятикнижия в целом, обратим внимание лишь на ряд вопросов, возникающих при знакомстве с приведённой таблицей. Во-первых, почему корпус библейских текстов ПБЕ помещён, по сути дела, в допленный период? Во-вторых, каким образом Библейский арамейский «оторвался» от книг ПБЕ? В-третьих, почему в графе об историческом периоде не указана хронология? Все эти опущения представляются серьёзным недостатком работы Л. Петерссон. Вместе с тем отметим, что количество слов приводится автором неслучайно. Дело в том, что согласно современным филологическим работам (она опирается здесь на труд Миллера «Methodological Issues») наличие хотя бы одной тысячи слов позволяет адекватно изучить грамматику и синтаксис конкретного памятника. А вот относительно лексикографии, то есть того, на что в первую очередь обращали внимание А. Гурвиц и Р. Ползин, этого недостаточно, поскольку надо иметь хотя бы миллион слов, поэтому её внимание к глагольному синтаксису более верно с точки зрения количества слов в сохранившихся памятниках.

В параграфе о лингвистической оппозиции автор сравнивает два фрагмента из Ветхого Завета: Исх. 33, 10–11 (СБЕ) и Езд. 4, 4–5 (ПБЕ). Обратим внимание на то, как Л. Петерссон анализирует синтаксис глаголов, о чём так много пишет. Для этого приведём её таблицы на оригинальном языке¹⁹.

Procedural discourse (SBH)	Clause type	
and the people used to see the cloud-pillar standing at the tent door,	<i>w-qāṭal</i>	mainline
and all the people would rise ,	<i>w-qāṭal</i>	mainline
and worship , each man in his tent door, and YHWH	<i>w-qāṭal</i>	mainline
would speak to Moses —	<i>w-qāṭal</i>	mainline
as a man speaks to his friend —	<i>x-yiqṭōl</i>	offline
and (afterwards) Moses used to return to the camp	<i>w-qāṭal</i>	mainline
(Exod 33:10–11)		

19 Ibid. S. 256.

Procedural discourse (LBH)	Clause type	
and the people of the land would discourage the people of Judah	w-X-qōṭēl	mainline
and make them afraid to build	w-qōṭēl	mainline
and they used to bribe officials ...	w-qōṭēl	mainline
(Ezra 4:4–5)		

Итак, проводя диахронический анализ синтаксиса глаголов в СБЕ и ПБЕ, автор использует лишь контекстуальный анализ конкретных глагольных форм без изучения того, как данные глаголы влияют на синтаксис предложения. Более того, она почему-то для сравнительного анализа выбрала тот фрагмент из Пятикнижия, который, согласно ей же, не входит в Священнический кодекс²⁰.

Сравнивая формы глаголов, встречающиеся в различных дискурсах СБЕ и ПБЕ, Л. Петерссон устанавливает три их оппозиции. К первой относятся те глагольные формы, которые, будучи характерными для СБЕ, полностью заменяются другими формами в ПБЕ, как это видно из предыдущего сравнения²¹. Такую оппозицию исследовательница называет «прямой». Наряду с этой, встречается и другая ситуация, когда две формы глаголов равнозначно используются в СБЕ, но в ПБЕ одна из них становится доминирующей в плане употребления, а вторая перестаёт применяться. Данная оппозиция именуется «непрямой». Также бывают ситуации, когда форма глагола СБЕ просто выходит из употребления в ПБЕ без какого-либо аналога²². Проводя сравнительный анализ глагольных форм СБЕ и ПБЕ, автор статьи составила таблицу, которую мы приведём для анализа. В ней она в колонке «увеличение частотности» прямую оппозицию глагольных форм никак не обозначает, непрямую оппозицию заключает в квадратные скобки, а отсутствие аналога в ПБЕ обозначает следующим символом: Ø. В колонке «убывание частотности» автор приводит глагольные формы, характерные для СБЕ²³.

20 Ср.: Ibid. S. 243, footnote 2.

21 Т. е. Исх. 33, 10–11 (СБЕ) и Езд. 4, 4–5 (ПБЕ).

22 *Petersson L.* The Linguistic Profile of the Priestly Narrative of the Pentateuch. S. 257.

23 Ibid. S. 258.

Таблица диахронических особенностей

Тип дискурса	Лингвистическая оппозиция		
	Убывание частотности	Увеличение частотности	
Юридический дискурс	1	<i>w-qāṭal</i> в условных структурах	[X- <i>yiqṭōl</i>]
	2	паронимное использование <i>qāṭōl</i> ²⁴	∅
	3	<i>qāṭōl</i> как инъюнктив/императив	[<i>yiqṭōl/qṭōl</i>]
Назидательный дискурс	4	<i>w-qāṭal</i> как основная (неосновная) форма	[<i>w</i> -юссив]
Инструкции	5	<i>w-qāṭal</i> как основная форма	(<i>w</i>) <i>qōṭēl</i> , (<i>w</i>) <i>yiqṭōl</i>
Процессуальный дискурс (не прошедшее время)	6	<i>w-qāṭal</i> как основная форма	(<i>w</i>) <i>qōṭēl</i> , (<i>w</i>) <i>yiqṭōl</i>
Настоящий дискурс	7	перформативный <i>qāṭal</i>	<i>qōṭēl</i>
Предиктивный дискурс	8	<i>w-qāṭal</i> как основная форма	(<i>w</i>) <i>qōṭēl</i> , (<i>w</i>) <i>yiqṭōl</i>
	9	макросинтаксическая форма <i>w-hāyā^h</i>	[<i>w</i> -предлог- <i>qṭōl</i>]
	10	<i>qāṭal</i> как «пророческий перфект»	[<i>yiqṭōl</i>]
Нарративный дискурс	11	<i>wa-yuṭiqṭōl</i> как основная форма	(<i>w</i>)-X- <i>qāṭal</i>
	12	макросинтаксическая форма <i>wa-yhī</i>	[<i>w</i> -предлог- <i>qṭōl</i>]
Процессуальный дискурс (прошедшее время)	13	<i>w-qāṭal</i> как основная форма	(<i>w</i>) <i>qōṭēl</i>
	14	макро-синтаксическая форма <i>w-hāyā^h</i>	[<i>w</i> -предлог- <i>qṭōl</i>]

24 Использование абсолютного инфинитива не только как глагола, усиливающего значение финитного глагола. Так, в частности, *qāṭōl*, как и *tiqṭōl/w-qāṭaltā* (исходные модели для обозначения имперфекта/«перевёрнутого» перфекта; речь идёт об этих глаголах во 2-м лице ед. и мн.ч.) может выражать ещё и деонтическую модальность (например, во Втор. 5, 12). Согласно терминологии Л. Петерссон, деонтика – инъюнктив. См. об этом подробнее: *Ibid.* S. 257, footnote 48.

Приведённая таблица вызывает ряд недоумений. В целом непонятно, почему именно такие дискурсы выбраны исследовательницей, ведь она занимается непосредственно нарративом и, как мы увидим из следующего параграфа, в отличие от Р. Ползина, не изучает законодательные тексты Священнического кодекса. Относительно древнееврейского языка представляется важным при определении семантики предложения обращать внимание и на форму сказуемого (глагольного или именного), а также на первое и второе место в предложении, и на наличие или отсутствие союза в начале предложения. Всё это именуется формами предикации²⁵; такой подход представляется оправданнее при изучении синтаксиса. В последнем параграфе настоящей статьи мы наглядно проиллюстрируем, какие плоды может принести подобное исследование синтаксиса каждого из жанров Торы. При изучении даже Священнического кодекса вряд ли можно ограничиться анализом типов дискурса, тем более что этим не исчерпываются тексты ПБЕ. Более того, стоило бы привести хотя бы базовые ссылки на тексты, послужившие основой для составления таблицы.

Тем не менее даже столь поверхностное несинтаксическое сравнение позволило ей прийти к выводу, что поскольку глагольную систему невозможно сознательно архаизировать, в отличие от использования лексики, постольку синтаксис глаголов развивается в историческом плане не столь очевидно и прямолинейно. Значит, важно обратить внимание на следующее, полагает Петерссон. Фактически в плане глагольных форм Священнический кодекс однозначно принадлежит к СБЕ, не имея заимствований из ПБЕ. Соответственно, предположение, что данный источник Пятикнижия был написан в пленный или после пленный период и при этом в плане языка возведён автором к СБЕ, представляется крайне невероятным (*highly unlikely*)²⁶. Конечно, можно предположить, что автор/-ы Священнического кодекса, жившие после плена, ориентировались на какой-то древний источник, представлявший собой СБЕ, и при этом у них получилось написать огромный текст, филологически идентичный СБЕ. Но поверить в то, что они создали не только историю, но и были столь внимательными к языку, не представляется возможным хотя бы по причине множества лингвистических расхождений в кумранский рукописях. Последние свидетельствуют о свободном отношении к языку Писаний. Стало быть, Ю. Велльхаузен ошибался относительно времени составления Жреческого кодекса хотя бы с точки зрения языка.

25 См. об этом подробнее: Лёзов С. В., Эйделькинд Я. Д. *Si vera lectio*. Синтаксис речи. С. 123.

26 *Petersson L. The Linguistic Profile of the Priestly Narrative of the Pentateuch. S. 259–260.*

Стоит отметить, что избегая анализа лексики, а также изучая лишь глагольные формы, Л. Петерссон, как представляется, не смогла определить лингвистический профиль Священнического кодекса. Также рассмотренная нами статья порождает ряд вопросов, на которые мы попытаемся дать ответ в настоящей работе. Они касаются границ Священнического кодекса и лингвистического профиля Пятикнижия.

2. Границы Священнического кодекса, формы предикации

Во второй сноске своей статьи Л. Петерссон указывает, какие тексты относятся к нарративу изучаемого ею источника Пятикнижия:

Быт. 1, 1–2.4а; 6, 9–22; 7, 6.11.13–16а.17а.18–21.24; 8, 1–2а.36–5.13а.14–19; 9, 1–17.28–29; 11, 27.31–32; 12, 46–5; 13, 6.116–12а; 16, 1а.3.15–16; 17; 19, 29; 21, 16.26–5; 23; 25, 7–11а.19–20; 26, 34–35; 27, 46; 28, 1–9; 29, 24.286–29; 30, 4а; 31, 18б; 33, 18а; 35, 9–13.15.226–29; 36, 6–8; 37, 1–2а; 41, 46; 46, 6–7; 47, 5–11.276–28; 48, 3–7; 49, 1а.286–33; 50, 12–13; **Исх.** 1, 1–5.7.13–14; 2, 236–25; 6, 2–13.26–30; 7, 1–13.19–20а.216–22; 8, 5–7.156; 9, 8–12; 11, 9–10; 12, 1–20.28.37а.40–41.43–51; 13, 1–2.20; 14, 1–4.8–9.15–18.21а, в–23.26–27а.28а.29; 16, 1–3.6–24.31–36; 17, 1а; 19, 1–2а; 24, 15–18а; 25, 1–31.18а; 34, 29–35; 35, 1–40, 34; **Лев.** 8, 1–10.20; 24, 10–23; **Числ.** 1, 1–4.17–19; 7, 1–11.89; 8, 1–22; 9, 1–23; 10, 11–28; 13, 1–3.21.25–26а.32; 14, 1–2.5–7.10.26–30.34–38; 15, 32–36; 16, 1а.26–11.16–17.18–24.27а.35; 17, 1–28; 20, 1а.2.36–13.22–29; 21, 4а.10–11а; 22, 1; 25, 6–19; 26, 1–4; 27, 1–23; 31, 1–54; 36, 1–13; **Втор.** 32, 48–52; 34, 1а.7–9²⁷.

При этом она отмечает, что Р. Ползин по-другому определяет стихи, входящие в данный кодекс. Он включает туда законодательные тексты, генеалогические и тому подобные²⁸, в то время как для Л. Петерссон важен для диахронического анализа лишь нарратив. И тем не менее столь разные членения текста Пятикнижия — Ю. Велльхаузен, например, смело включал в рассматриваемый источник Книгу Левит, что противоречит позиции других учёных) говорит об условности подобного членения Торы. Более того, относительно языка Пятикнижия ещё Дмитрий Васильевич Цолин заметил, что «различия, давшие повод исследователям выделить в тексте различные источники, относились главным образом к лексике и историческим деталям, к мотивам

27 Ibid. S. 243, footnote 2.

28 См.: Ibid. S. 246, footnote 18.

повествования, *но не к жанру*. Иначе говоря, нет жанра, характерного для источника J или же для E, D, P²⁹,³⁰. Следовательно, с точки зрения языка не должно быть никаких расхождений между отдельными текстами Пятикнижия. В качестве доказательства проанализируем несколько примеров с позиции синтаксиса глагола, обращая внимание на формы предикации библейского текста. При этом будем рассматривать стихи, часть которых входит в состав Священнического кодекса (согласно Л. Петерссон), а другая их часть не принадлежит этому источнику. Сравнительный анализ покажет нам, насколько справедливо исключены многие фрагменты из Жреческого источника с текст-лингвистической позиции.

В качестве первого примера проанализируем Быт. 7, 17. Согласно Л. Петерссон, лишь первая часть данного стиха входит в изучаемый ею кодекс.

וַיְהִי הַמַּבּוּל אַרְבָּעִים יוֹם עַל-הָאָרֶץ וַיִּרְבּוּ הַמַּיִם וַיִּשְׂאוּ אֶת-הַתְּבָאָה וַתָּרָם מֵעַל הָאָרֶץ:

wa-yhi ham-mabbûl ṣarḇāsîm yôm ṣal-hā-ṣāreṣ wa-yuirbû ham-mayim wa-yiisû ṣet-hattēbā^h wa-ttārom mē-ṣal hā-ṣāreṣ

И был потоп сорок дней на земле, и умножилась вода, и подняла ковчег, и он возвысился над землёй³¹.

Перед нами характерная повествовательная цепочка, которая образуется моделью *wa-yuigtōl* (4 вхождения). Можно, конечно, попытаться отдельно выделить макросинтаксическую модель *wa-yhi*³² с точки зрения смысловой нагрузки (ведь отдельно взятая форма, как отмечалось выше, может означать всё что угодно), однако она синтаксически (!) вписывается в общую модель *wa-yuigtōl* и образует повествование

29 Т. е. Ягвиста (J), Элохиста (E), Деветерономиста (D) и Священнического кодекса (P).

30 Цолин Д. В. Трансформация литературных форм Пятикнижия в таргумах. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербургский филиал Института Востоковедения Российской академии наук. СПб., 2008. С. 60.

31 Здесь и далее перевод библейских текстов с древнееврейского языка выполнен мной.

32 Как это делает сама Л. Петерссон: *The Linguistic Profile of the Priestly Narrative of the Pentateuch*. S. 258–259.

как таковое³³. Таким образом, это типичная речь рассказчика, и разбивать её на две части у нас нет никаких оснований, в том числе смысловых.

Подобным примером является Исх. 8, 15, относительно которого Л. Петерссон считает, что лишь вторая часть стиха принадлежит к Священническому кодексу.

וַיֹּאמְרוּ הַחֹרְטָמִים אֶל־פַּרְעֹה אֲפָצַב עַל־הֵימָּה הוּא וַיִּקְרָא לְבַרְפְּרָעֵה וְלֹא־שָׁמַע אֹתָם
כַּאֲשֶׁר דִּבֶּר יְהוָה: ס

*wa-yuḏ³mrú ha-ḥartummím ʔel-parʕō^h ʔešbaʕ ʔēlōhím hī^{w2} wa-yyeḥēzaq
lēḅ-parʕō^h w-lō²-šāmaʕ ʔālēhem ka-ʔāšer dibber yhw h S*

И сказали волхвы фараону: «Это перст Божий». И укрепилось сердце фараона, и он не послушал их, как и говорил Господь.

Данный фрагмент начинается с модели *wa-yuḥiqṭōl* (повествовательная цепочка), после которой в качестве прямой речи волхвов представлено именно предложение («это перст Божий», где указательное местоимение служит копулой). Затем следует речь рассказчика, образованная типичными моделями *wa-yuḥiqṭōl* и *w-lō² qāṭal*. Предложение заканчивается придаточным изъяснительным (*ka-ʔāšer* + финитный глагол). Очевидно, что в плане синтаксиса, который так стремится изучать Л. Петерссон, данное предложение нельзя делить надвое.

Наконец, рассмотрим ещё один пример — Числ. 20, 1–3. Согласно анализируемой статье, из указанного фрагмента лишь 1a.2.3б относятся к Священническому кодексу.

33 Отметим, что А. Никаччи отстаивает то, что древнееврейские формы глагола «быть» являются полноценными глаголами: «Первое, הָיָה / *hāyā^h* во всех формах — глагол, а не служебное слово или копула; второе, каждая из его форм играет специфическую роль, как и любой другой глагол; третье, нет ни одного случая, когда бы этот глагол был факультативным элементом языка... יָהָיָה / *wa-yhī^l*... не служебное слово, а *wa-yuḥiqṭōl*, как и любая другая подобная форма» (*Nicacci A. An Integrated Verb System for Biblical Hebrew Prose and Poetry*. P. 124–125).

וַיָּבֹאוּ בְנֵי־יִשְׂרָאֵל כָּל־הָעֵדָה מִדְּבַר־צֶן בְּחֹדֶשׁ הָרְאשׁוֹן וַיָּשֻׁב הָעָם בְּקֶדֶשׁ וּתְמַת
שָׁם מֵרִים וּתְקַבֵּר שָׁם:

וְלֹא־הָיָה מָוֶם לָעֵדָה וַיִּקְהָלוּ עַל־מִשְׁחָה וְעַל־אֲהָרֹן:

וַיָּרַב הָעָם עִם־מִשְׁחָה וַיֹּאמְרוּ לְאַמֵּר וְלוֹ גִּזְעֵנוּ בְּגֹעַ אֲחִינוּ לִפְנֵי יְהוָה:

*wa-yyāḥbōʔū bnē-yiśrāʔēl kol-hā-ʕēdā^h miḏbar-šim ba-hōdeš hā-rīʔšôn
wa-yyēšeḅ hā-ʕām b-qādeš wa-ttāmo^l šām miryām wa-ttiqqābēr šām*

w-lō^ʔ-hāyā^h mayim lā-ʕēdā^h wa-yyiqqāhālū ʕal-mōše^h w-ʕal-ʔahārôn

*wa-yyāreb hā-ʕām ʕim-mōše^h wa-yyō^ʔmrū lē-^ʔmōr w-lū gāwāʕnū biḡwāʕ
ʔaḥēnū liḡnē^ʔ yhw^h*

*И пришли сыны Израиля, всё общество, в пустыню Син в первый месяц,
и поселился народ в Кадесе, и умерла там Мариам, и была погребена
там.*

И не было воды для общества, и они собрались на Моисея и на Аарона.

*И возроптал народ на Моисея, и они сказали, говоря: «О, если бы мы
умерли тогда же, когда умерли наши братья перед Господом».*

В плане синтаксиса первый стих строго кодируется моделью *wa-yyiqṭōl*. Во втором из рассмотренных стихов появляется такая же повествовательная модель относительно семантики — *w-lō^ʔ qāṭal*, после которой снова использован глагол с союзом по модели *wa-yyiqṭōl*. С этой модели начинается и третий стих. Затем в нём посредством *לְאַמֵּר / lē-^ʔmōr* вводится прямая речь, в данном случае весьма гневная. В ней, как это и характерно для диалогических высказываний, употреблён перфект (модель — *qāṭal*; во второй позиции после союза с восклицанием; последний образует условный конструктор); *qāṭal*, как и следовало ожидать в диалогическом высказывании, обозначает в данном случае типичный перфект (по-английски Past Perfect), выражающий значимость произошедшего когда-то в момент речи. Согласно этому стиху, евреи сетовали, что не погибли вместе со своими братьями, то есть описывали событие, о котором уже знал их адресат — Моисей. Значит, опять никаких серьёзных оснований, чтобы разбивать данный фрагмент на части, у нас нет.

И таких примеров можно было бы привести ещё больше. Для того чтобы не умножать сущности без нужды, перейдём непосредственно к заключительной части нашей статьи, в которой рассмотрим проблематику лингвистического профиля Пятикнижия.

3. Лингвистическая специфика Пятикнижия: перспективы исследования

Приведённый выше анализ современной статьи позволил нам прийти к следующим соображениям. Во-первых, Л. Петерссон вполне справедливо обратила внимание на синтаксис глаголов для определения лингвистического профиля нарратива Священнического кодекса. Хотя в плане диахронического анализа такой подход оправданнее, чем лексикографический, однако и последним не стоит пренебрегать. Во-вторых, если уж обратили внимание на синтаксис глаголов, то стоит заниматься именно этим, а не просто сопоставлять формы глаголов СБЕ с ПБЕ. Это обусловлено тем, что форма глагола сама по себе неинформативна, поэтому предпочтительнее в плане синтаксиса исходить, хотя бы для начала, из анализа форм предикации. В-третьих, пренебрежение юридическими текстами и поэзией при анализе Пятикнижия весьма ограничивает адекватное понимание синтаксиса СБЕ.

Вместе с тем, как было неоднократно показано в настоящем дискурсе, выделение определённых текстов из Пятикнижия в поисках Священнического кодекса или каких-либо иных источников представляется однозначно неверным с точки зрения лингвистики, особенно синтаксиса глаголов. Можно, конечно, использовать массу других критериев, например, содержательную специфику, определённую лексику, стилистические, риторические и тому подобные приёмы, чтобы доказать, что эти, а не другие тексты восходят к Священническому кодексу. Однако странно, что лингвист (Л. Петерссон) не видит, что у неё нет филологических оснований для данной операции. Более того, анализ жанров Пятикнижия, из больших групп которых однозначно выделяются прозаический, диалогический (в Числ. 20, 1–3 он явно наличествует, причём Л. Петерссон смело включает его в Жреческий кодекс), законодательный и поэтический, позволяет более точно понять лингвистический профиль Торы.

Конечно, филология не ограничивается анализом синтаксиса глаголов, но уже он даёт нам много для понимания языковой специфики Пятикнижия. Так, благодаря анализу форм предикации внутри

сложных групп речевых жанров, у меня получилось исследовать арамейские переводы ситуаций, которые кодируются синтаксически, что доказывает богатую перспективу изучения синтаксиса и семантики библейских текстов³⁴. Были изучены следующие ситуации:

1. Прозаический жанр:

- повествовательная цепочка и её главные формы (*wa-yiqṭōl* (S), *w-lōʔ qāṭal*);
- соотнесение элементов повествования (*w-N qāṭal*);
- фон внутри эпизода (*w-N_s N_p*, *w-S qāṭal*, *w-S ṭerem yiqṭōl*, *w-ṭerem yiqṭōl S*);
- придаточные изъяснительные и причинные (כִּי / *kī* и רָשָׁע / *ʔāšer*);
- приглашение в повествование (הִנְנֶה / *w-hinnē^h*);
- комментарий (без ו / *wāw* в начале предложения);
- кульминация действия (конструкция синхронизации; *S qōṭēl* — *w-S qāṭal* и *S qāṭal* — *w-S qāṭal*; *S qōṭēl* — *w-hinnē^h S qōṭēl*; *w-S qāṭal* — *w-S qāṭal*; *w-S qōṭēl* — *w-hinnē^h S qōṭēl*; *wa-yhī N_s N_p* — *w-S qāṭal*, а также *wa-yhī S qāṭal* — *w-hinnē^h S qāṭal*, *wa-yhī S qōṭēl* — *w-hinnē^h N*, *w-S ṭerem yiqṭōl* — *w-S qāṭal*);
- зачин эпизода, главы и истории (*w-S qāṭal*);
- концовка эпизода, главы и истории (*w-N qāṭal*, *w-N_s N_p*);
- «рутинное повествование» (синтаксическое обрамление истории; *w-qāṭal* / *w-lōʔ yiqṭōl* и *w-N yiqṭōl*).

2. Диалогический жанр:

- *qāṭal* в начале высказывания;
- *lēʔmōr qāṭal*;
- *wa-yuḏʔmer (...)* *qāṭal* (N);
- *qāṭal* во второй позиции диалогического высказывания;
- «дело в том, что» (*qāṭōl qāṭal* (S));
- *S qāṭal* в начале высказывания.

34 Приведём лишь основные. С остальными можно познакомиться в следующей диссертации: Шаблевский Н., диак. Сравнительный анализ принципов арамейских переводов Пятикнижия Моисея (таргумов и Пешитты). Диссертация на соискание учёной степени кандидата богословия. Московская духовная академия. Сергиев Посад, 2018.

3. Законодательный жанр:

- причинно-следственная связь (*ʔim*-(S/O/A) *qāʔal/yiqʔōl* vs. *ʔim-qāʔōl yiqʔōl* vs. *ʔim-lōʔ yiqʔōl/qāʔal... w-qāʔal* vs. *ʔap* (S) *yiqʔōl*);
- категорический запрет (*lōʔ tiqʔōl*);
- немедленное запрещение (*ʔal yiqʔōl*³⁵);
- абсолютный запрет (*lōʔ yihye^h* O; *שׁוֹרֵי-יָדַי / pen-yēš*);
- повелительное наклонение и деонтическая модальность (*qʔōl* vs. *tiqʔōl* и *w-qāʔaltā*);
- инверсия сказуемого с прямым дополнением ((*w*)-O... *yiqʔōl*);
- приговор (*qāʔōl qāʔal* (S));
- «рутинное повествование» (*w-qāʔal / w-lōʔ yiqʔōl* и *w-N yiqʔōl*).

4. Поэзия:

- каузальность (*kī qāʔōl qāʔal*);
- причинно-следственная связь (*qāʔal — yiqʔōl*);
- призыв (*qʔōl* и *yiqʔōl*³⁶);
- *wa-yuqʔōl*;
- *יָסַ / ʔēⁿ*.

Помимо синтаксических и лексикографических исследований Пятикнижия, для более полной картины следует обратить внимание и на грамматическую специфику данного памятника. Как показала в своей статье Л. Петерссон, большинство учёных полагает, что книги от Пятикнижия (включительно) до Книг Царств представляют собой СБЕ, то есть допленный период развития древнееврейского языка. Отсюда следует, что для полноценного определения лингвистического профиля Пятикнижия необходимо провести ещё и его диахронический анализ с другими книгами, написанными на СБЕ. Наконец, такой способ определения лингвистического профиля книг СБЕ вполне логично будет сравнить со способом определения лингвистического профиля книг ПБЕ. При этом наиболее перспективный подход в свете филологического анализа библейских книг (т.е. морфологии, лексики, грамматики, синтаксиса и текст-лингвистического анализа в целом)

35 *yiqʔōl* в данном случае обозначает юссив, т.е. волеитивное наклонение имперфекта.

36 Здесь также под *yiqʔōl* подразумевается юссив.

позволит ответить на многие вопросы с позиции лингвистики, например на вопросы о целесообразности обращения к Документальной гипотезе.

Также при определении лингвистического профиля Пятикнижия, как и любой книги **Танаха**, стоит обратить внимание не только на семантику (время, вид, наклонение) и синтаксис, но и на прагматику древнееврейского языка. И в этой связи имеет определяющее значение инверсия, благодаря которой глаголу могут предшествовать не только подлежащее, но и временные, обстоятельственные топики (*topic or focus*), образующие различные коммуникативные ситуации. Всё это сводится к проблематике дефиниции типов библейских текстов, то есть к текст-лингвистическому анализу³⁷.

Заключение

Анализ статьи Л. Петерссон продемонстрировал нам, как сильные стороны её исследования (доказательство, пусть и неубедительное, того, что Священнический кодекс относится к СБЕ), так и слабые. К последним относится прежде всего подражание синтаксическому анализу глаголов, а не полноценное изучение специфики глаголов. Также неубедительным с позиции языка представляется атрибуция конкретных стихов Жреческому кодексу. Это легко опровергается текст-лингвистическим анализом более пространных фрагментов, в которых гипотетически встречается Священнический кодекс.

Вместе с тем представляется более верным начинать изучение древнееврейского языка с определения жанровой специфики Пятикнижия в целом. Затем необходимо обратить внимание на анализ лексики, грамматики, синтаксиса и семантики текста каждого из жанров. Это позволит определиться с лингвистическим профилем Пятикнижия, отталкиваясь от которого можно исследовать остальные книги Ветхого Завета с точки зрения языка.

Наконец, заслуживает внимания ещё и метод сравнительного анализа лингвистического профиля Пятикнижия с лингвистическим профилем каждого из арамейских переводов Торы. Этот метод заключается не в том, чтобы сопоставлять все места подряд, а в том, чтобы

37 См. об этом подробнее, например, в следующем исследовании: *Hornkohl A. Biblical Hebrew Tense–Aspect–Mood, Word Order and Pragmatics: Some Observations on Recent Approaches // Studies in Semitic Linguistics and Manuscripts: A Liber Discipulorum in Honour of Professor G. Khan / ed. by N. Vidro, R. Vollandt, E. M. Wagner, J. Olszowy-Schlanger. Uppsala, 2018. P. 27–56.*

посредством исторического описания грамматики и текст-лингвистического анализа определить профиль каждого из переводов и сопоставить их с Пятикнижием «лицом к лицу». Подобный подход вполне может показать, присутствует или отсутствует влияние языка Торы на языки арамейских переводов.

Источники

Bible Works 10. Copyright (c) 2015 Bible Works, LLC. Version 10.0.4.114. (Electronic edition).
Biblia Hebraica Stuttgartensia / hrsg. K. Elliger und W. Rudolph. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft,⁵1997.

Литература

- Лёзов С. В., Эйделькинд Я. Д.* Si vera lectio. Синтаксис речи рассказчика в древнееврейской повествовательной прозе // Библия: литературоведческие и лингвистические исследования. 1999. Вып. 2. С. 117–260.
- Цолин Д. В.* Трансформация литературных форм Пятикнижия в таргумах. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук. СПб., 2008.
- Шаблевский Н., диак.* Сравнительный анализ принципов арамейских переводов Пятикнижия Моисеева (таргумов и Пешитты). Диссертация на соискание учёной степени кандидата богословия. Московская духовная академия. Сергиев Посад, 2018.
- Hornkohl A.* Biblical Hebrew Tense–Aspect–Mood, Word Order and Pragmatics: Some Observations on Recent Approaches // Studies in Semitic Linguistics and Manuscripts: A Liber Discipulorum in Honour of Professor G. Khan / ed. by N. Vidro, R. Vollandt, E. M. Wagner, J. Olszowy-Schlanger. Uppsala: Uppsala universitet, 2018. P. 27–56.
- Hurvitz A.* The Usage of $\psi\omega$ and רִיף in the Bible and Its Implications for the Date of P // Harvard Theological Review. 1967. Vol. 60. P. 117–121.
- Joosten J.* The Disappearance of Iterative WEQATAL in the Biblical Hebrew Verbal System // Biblical Hebrew in Its Northwest Semitic Setting. Typological and Historical Perspectives / ed. by S. E. Fassberg and A. Hurvitz. Jerusalem: Magnes Press; Winona Lake: Eisenbrauns, 2006. P. 135–147.
- Joosten J.* The Verbal System of Biblical Hebrew: A New Synthesis Elaborated on the Basis of Classical Prose. Jerusalem: Simon Ltd, 2012.
- Kutschera E. Y.* A History of the Hebrew Language. Jerusalem: Magnes Press, 1982.
- Kutschera E. Y.* The Language and Linguistic Background of the Isaiah Scroll (1QIsa^a). Leiden: Brill, 1974.

- Nicacci A.* An Integrated Verb System for Biblical Hebrew Prose and Poetry // Congress Volume: Ljubljana 2007 / ed. by A. Lemaire. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 99–127. (Supplements to Vetus Testamentum; vol. 133).
- Petersson L.* The Linguistic Profile of the Priestly Narrative of the Pentateuch // Paradigm Change in Pentateuchal Research / hsgb. M. Armgardt, B. Kilchör, M. Zehnder. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. S. 243–264. (Beihefte zur Zeitschrift für altorientalische und biblische Rechtsgeschichte; Bd. 22).
- Wellhausen J.* Die Composition des Hexateuchs und der historischen Bücher des Alten Testaments. Berlin: Walter de Gruyter, 1963.
- Wellhausen J.* Prolegomena to the History of Ancient Israel / trans. by J. S. Black and A. Enzies. New York: Meridian Books, 1957.

The Linguistic Profile of the Pentateuch: to the Question of the Philological Specifics of the Priestly Code

Deacon Nikolai Shablevskii

PhD in Theology

Lecturer of the Biblical Studies department of Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

nikolay.mda@yandex.ru

For citation: Shablevskii, Nikolai N., deacon. "The Linguistic Profile of the Pentateuch: to the Question of the Philological Specifics of the Priestly Code." *Bible and Christian Antiquity*, 2019, no. 3 (3), pp. 226–248. (In Russian) doi: 10.31802/2658-4476-2019-3-3-226-248

Abstract. In the article we focused attention to the work of L. Petersson about the linguistic profile of the narrative of Priestly Code. A critical analysis discovered both the strengths and weaknesses of her research. In the second paragraph, it is emphasized that the Priestly Code does not have a specific genre or syntax features in the Pentateuch, which from the point of view of the language makes it impossible to investigate it separately from other texts of Torah. The third paragraph is a definition of perspectives, that is, consideration of the possibility and feasibility of studying the linguistic profile of both the Pentateuch in particular and the Old Testament books (Tanakh) as a whole.

Keywords: Priestly Code, linguistic profile, Standard Biblical Hebrew, Late Biblical Hebrew, syntax, text-linguistic analysis, forms of predication, Pentateuch.

References

- Colin D. V. (2008) *Transformacija literaturnyh form Pjaticknizhija v targumah* [Transformation of the Literary Forms of Pentateuch in the Targums]. PhD Thesis in Philology. Saint-Petersburg (in Russian).
- Elliger K., Rudolph W. (eds.) (1997) *Biblia Hebraica Stuttgartensia*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.
- Hornkohl A. (2018) “Biblical Hebrew Tense–Aspect–Mood, Word Order and Pragmatics: Some Observations on Recent Approaches” in N. Vidro, R. Vollandt, E. M. Wagner, J. Olszowy-Schlanger (eds.) *Studies in Semitic Linguistics and Manuscripts: A Liber Discipulorum in Honour of Professor G. Khan*. Uppsala: Uppsala universitet, pp. 27–56.
- Hurvitz A. (1967) “The Usage of $\omega\omega$ and $\gamma\gamma$ in the Bible and Its Implications for the Date of P”. *Harvard Theological Review*, vol. 60, pp. 117–121.
- Joosten J. (2006) “The Disappearance of Iterative WEQATAL in the Biblical Hebrew Verbal System” in S. E. Fassberg, A. Hurvitz (eds.) *Biblical Hebrew in Its Northwest Semitic Setting. Typological and Historical Perspectives*. Jerusalem: Magnes Press; Winona Lake: Eisenbrauns, pp. 135–147.
- Joosten J. (2012) *The Verbal System of Biblical Hebrew: A New Synthesis Elaborated on the Basis of Classical Prose*. Jerusalem: Simon Ltd.
- Kutscher E. Y. (1974) *The Language and Linguistic Background of the Isaiah Scroll (1QIsa^a)*. Leiden: Brill.
- Kutscher E. Y. (1982) *A History of the Hebrew Language*. Jerusalem: Magnes Press.
- Ljovov S. V., Ejdel’kind Ja. D. (1999) “Si vera lectio. Sintaksis rechi rasskazchika v drevneevrejskoj povestvovatel’noj proze” [“Si vera lectio. Syntax of the Speech of Storyteller in the Hebrew Narrative Prose”]. *Biblija: literaturovedcheskie i lingvisticheskie issledovanija*, issue 2, pp. 117–260 (in Russian).
- Nicacci A. (2010) “An Integrated Verb System for Biblical Hebrew Prose and Poetry” in A. Lemaire (ed.) *Congress Volume: Ljubljana 2007*. Leiden; Boston: Brill, pp. 99–127 (Supplements to *Vetus Testamentum*; 133).
- Petersson L. (2019) “The Linguistic Profile of the Priestly Narrative of the Pentateuch” in M. Armgardt, B. Kilchör, M. Zehnder (eds.) *Paradigm Change in Pentateuchal Research*. Wiesbaden: Harrassowitz, pp. 243–264 (Beihefte zur Zeitschrift für altorientalische und biblische Rechtsgeschichte; 22).
- Shablevskij N. (2018) *Sravnitel’nyj analiz principov aramejskikh perevodov Pjaticknizhija Moiseeva (targumov i Peshitty)* [A Comparative Analysis of the Principles of Aramaic Translations of the Pentateuch of Moses (of Targums and Peshitta)]. PhD Thesis in Theology. Sergiev Posad (in Russian).
- Wellhausen J. (1957) *Prolegomena to the History of Ancient Israel*. New York: Meridian Books.
- Wellhausen J. (1963) *Die Composition des Hexateuchs und der historischen Bücher des Alten Testaments*. Berlin: W. de Gruyter.